

УДК 60.56

Приватность как атрибутивная характеристика современного опыта субъектности: к постановке проблемы

Е. В. ХОДУС

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

г. Днепропетровск, Украина

E-mail: hodus2@ukr.net

Авторское резюме

В настоящей статье фокус исследовательского интереса сосредоточен на состоянии современной гуманитарной науки (как отечественной, так и зарубежной), которая демонстрирует в последнее время повышенный интерес к обыденному сознанию, к сфере будничных событий, к алогичному (с точки зрения эвристики «большой» социальной теории) внутреннему миру человека, а не к логическому внешнему, тому, что принято называть миром формальных институциональных систем, основанных на инструментальной рациональности. Актуальная социокультурная ситуация такова, что предметность мира стала предметностью жизненного, индивидуального мира, когда значимость «биографической модели» (так назвал усиленную индивидуализацию У. Бек) происходит в ущерб коллективным формам организации. Если в XX веке одной из ключевых социальных проблем была проблема несоизмеримо возросшей власти государства, рынка и подавления сферы приватного, то для начала века XXI характерна другая социальная проблема – падение интереса к участию людей в общественной жизни, ассоциированной коммуникации вследствие роста тенденций социальной приватизации. Приватность в данном случае становится местом, где я существую для самого себя.

Таким образом, попытки изменить предметную сферу и концептуальную структуру современной социальной теории под влиянием новых ценностных установок привели к появлению новых теорий, акцентирующих внимание на проблематике восприятия реальности отдельным индивидом, при этом такое субъективное восприятие становится сегодня вполне релевантным источником информации об этой реальности. Таким образом, проблемное поле настоящей статьи определяется, исходя из наличия следующего противоречия: между новой онтологией социальной реальности, функционирующей в режиме аксиоматики приватного/частного интереса и степенью ее осмысления в современной социальной теории.

Соответственно в рамках настоящей статьи исследовательский интерес фиксируется непосредственно на обстоятельствах тематизации «обращения к личному/приватному» как актуальному модусу существования современного индивида, меняющему формы социальных связей, отношений и саму природу нормализованной субъектности, то есть полностью адаптированной к ситуации социальной приватизации.

Ключевые слова: приватность, субъектность, социальная приватизация, новый индивидуализм, эстетизация приватности.

Privacy as an attributive characteristic of the modern experience of subjectivity: to the statement of the problem

YE.V. KHODUS

The Oles Honchar Dnepropetrovsk national university, Dnepropetrovsk, Ukraine

E-mail: hodus2@ukr.net

Abstract

In this article the research's interest focuses on the state of the modern humanities (both domestic and foreign), which demonstrates the recently increased interest to the ordinary consciousness, to the sphere of everyday events, to the illogical (in terms of heuristics «big» social theory) inner world of a person, not to the logical external, what is called the world of formal institutional systems based on instrumental rationality. Current social and cultural situation is such that the objectivity of the world became the objectivity of the people's life, of the individual world, where the significance of the «biographical model» (the so-called enhanced personalization of U. Beck) is implemented to the detriment of collective forms of organization. In the twentieth century, one of the key social problem was the problem of disproportionately increased the power of the state, the market and the suppression of the private sphere, in the beginning of the XXI century is characterized by another social problem - the decline of interest to participation of people in public life, an associate of communication due to the growth trends of social privatization. Privacy in this case becomes the place where I exist for myself.

Thus, attempts to change the subject field and conceptual framework of modern social theory under the influence of new value's attitudes have led to the emergence of the new theories which focus on the problems of an individual's perception of reality. Such subjective perception today is quite relevant source of informa-

tion about this reality. Thus, the problem field of this article is determined by the presence of the following contradiction: between the new ontology of social reality functioning in a mode of axiomatic private / frequent interest and degree of its comprehension in contemporary social theory. Accordingly, in this article research's interest is fixed directly on the circumstances theming «reference to the personal / private» as an actual mode of existence of the modern individual who changes the forms of social relations, and the nature of normalized subjectivity, that is fully adapted to the situation of social privatization.

Key words: privacy, subyektivist, aestheticization of everyday life, lack of subjectivity.

Постановка проблемы. Современная гуманитарная рефлексивная культура как отечественная, так и зарубежная в последнее время испытывает повышенный интерес к обыденному сознанию, к сфере будничных событий, к алогичному (с точки зрения эвристики «большой» социальной теории) внутреннему миру человека, а не к логическому внешнему, тому, что принято называть миром формальных институциональных систем, основанных на инструментальной рациональности. Актуальная социокультурная ситуация такова, что предметность мира стала предметностью жизненного, индивидуального мира, когда значимость «биографической модели» (так назвал усиленную индивидуализацию У. Бек) происходит в ущерб коллективным формам организации. Вполне симптоматичным в этой связи выглядит определение современных обществ, данное Н. Элиасом, как «обществ индивидов» [12]. Если в XX веке одной из ключевых социальных проблем была проблема несоизмеримо возросшей власти государства, рынка и подавления сферы частного, то для начала века XXI характерна другая социальная проблема – падение интереса к участию людей в общественной жизни, ассоциированной коммуникации вследствие роста тенденций социальной приватизации. Приватность в данном случае становится местом, где «я существует для самого себя».

Анализ исследований и публикаций. Таким образом, попытки изменить предметную сферу и концептуальную структуру современной социальной теории под влиянием новых ценностных установок привели к появлению «рефлексивного обеспечения» в виде разнообразных концептуальных построений, подчеркивающих не столько уверенность в правоте голоса «маленького человека с улицы», сколько уверенность в его праве на звучание вообще. Восприятие реальности отдельным индивидом становится сегодня вполне релевантным источником информации об этой реальности. В таком интерпретативном ключе выстраиваются работы последних лет З. Баумана, А. Турена, П. Штомпки, Э. Гидденса, Р. Сеннета, У. Бека, С. Лэша, Ж. Липовецки и др.

При этом подобное изменение контекстов научных исследований отнюдь не означает разрыва с доминантной темой академической социальной теории – исследований социальных трансформаций, стратификационных оснований социума, его социальной природы. Вместе с тем,

такая инверсия, перефразируя Ф. Тенниса, от «общества» к «автономности индивидуального существования», констатирует смену аналитического фокуса и иную формулировку актуальной исследовательской проблемы, суть которой, на наш взгляд, довольно точно артикулировал К. Лаваль: «Как же, несмотря ни на что, мы пришли к такой концепции социального мира, согласно которой он состоит из индивидуумов, заявляющих о своем праве повиноваться только собственным интересам, стоящим выше интересов коллектива, что с точки зрения другого типа социальной морали выглядит довольно странной «переоценкой ценностей» [10, с.7].

Цель исследования. Итак, проблемное поле настоящей статьи определяется, исходя из наличия следующего противоречия: между новой онтологией социальной реальности, функционирующей в режиме аксиоматики частного/частного интереса и степенью ее осмысления в современной социальной теории. Соответственно в рамках настоящей статьи исследовательский интерес фиксируется непосредственно на обстоятельствах тематизации «обращения к личному/частному» как актуальному модусу существования современного индивида, меняющему формы социальных связей, отношений и саму природу нормализованной субъектности.

Изложение основного материала. Мы действительно все больше живем, повинаясь нормативному режиму своего заинтересованного «Я» как парадоксальному основанию общества. Парадокс современной ситуации состоит в том, что именно формальные институты и гражданские ассоциации, основанные на абстрактном доверии, перестают быть ценностным центром, напротив, консолидирующими становятся ценности, относящиеся к конкретным человеческим ситуациям и личной ответственности за себя, своих близких. Указанные тенденции характерны и для украинского социума: отечественные социологи отмечают сужение базы социального доверия в обществе – актуальными ценностными ориентациями является прежде всего долг перед близкими (он наиболее значим для 83,4% граждан Украины, тогда как долг перед страной – для 31,2 %) [1]. Такая общественная реакция – прямое следствие кризиса легитимации, когда государство перестает оправдывать надежды граждан на благо-состояние, оказывается не способным ориентироваться на всеобщность интересов, а значит, подвергает опасности социальную интеграцию

и солидарность общества. Как замечает К. Лаваль, «практическая эффективность политических предприятий заключена в очевидности построения социального порядка, но утопии и надежды этих политических предписаний, а также их коллективная репрезентация общественного предназначения почти равны нулю. Это проявляется и в политическом кризисе, и в кризисе образования. Современный человек больше не верит в них. Он верит или, по крайней мере, должен верить только в самого себя» [9, с. 362]. Данный тезис достаточно красноречиво подтверждает и отечественная социология: как отмечает И. Бекешкина, нынешний провал доверия к государственным институтам - один из самых глубоких за всю историю украинской независимости и фантастический по европейским меркам: жители Старого Света в основной массе доверяют своим государственным и общественным институтам [2].

Неудивительно, что в ситуации утраты общезначимых социальных ориентиров индивиду не остается ничего другого, как искать ориентиры в самом себе - во «внутренней свободе от больших социальных сетей», от сознания некоего долга перед другими, всем обществом, от публичной сферы в целом. Это при том, что таких качеств, как решительность в достижении своих целей, уверенность в своих силах, инициатива и самостоятельность в решении жизненных проблем украинцам решительно не хватает. Тем не менее, сфера публичности как сфера диалога, ритуальных действий, производственных, трудовых стереотипов, рынка, образования, короче - социального опосредования, начинает восприниматься как безличная, не связанная с интересами отдельного человека, она вызывает тревогу, страх, растерянность, отстраненность, что отражается не только в общем отношении к жизни, но и в поведении людей в соответствующих жизненных ситуациях.

В этом отношении весьма примечательно выглядит сам факт общественной реакции на различные формы коллективных действий и конвенций, демонстрирующих добровольное желание выйти за горизонты приватного мира. Например, в ситуации «снежного коллапса» весны 2013 года в Киеве, на фоне полной беспомощности и бездействия городских властей, личные стихийные неструктурированные инициативы граждан, направленные на «всеобщее благо», в СМИ были представлены чуть ли не как примеры гражданского героизма. Действительно, ныне общество все больше воспринимается людьми как поле конкурентной борьбы за сугубо личные интересы. При этом оказались деформированными механизмы сопряжения общественных интересов разного уровня. Реалии таковы, что примеров «общества без государства» (именно так выразил формулу либеральной композиции общества А. Турен) сегодня

становится все меньше. Соответственно новые реалии рожают и новый социальный типаж - «непринадлежащего индивида» - человека, не связанного с социальной общностью: национальной, профессиональной, политической, религиозной, хотя и стремящегося воссоединиться с другими людьми, но не ценой нового подчинения общности. Речь идет о том, что субъективирующееся «Я» не утверждает себя как часть какого-либо коллективного целого, напротив, в своей повседневной активности, подчеркивает свое отличие от других. Такая ситуация опосредует в свою очередь возрастающую культурную и социально-психологическую дифференциацию, которая выражается в локализации социальных общностей, в развитии новых микрокультур, существующих крапивоременно и возникающих случайно. Такая «исключенность» современных индивидов проявляется и в особенностях их идентификационных практик, которые все больше «приватизируются» в том смысле, что именно в приватной сфере индивид ищет материал для строительства собственной субъективности. Как пишет Э. Гидденс «субъект поздней модерности находится в постоянном рефлексивном соприкосновении со своим телом» [7, с. 75].

Приватная сфера - внутренний мир индивида (который он сам может выбирать, формировать, моделировать, менять, распоряжаться им) определяет сегодня индивидуальную идентичность так же, как ранее ее определяли большие социальные образования - публичная сфера (социальные структуры общества, институты, большие сообщества - класс, этничность, гендер). На уровне поведенческих установок это оборачивается этосом домашнего комфорта, эстетизацией и индивидуализацией быта; большую популярность приобретают знания, обслуживающие чувственные удовольствия, свидетельством чего, к примеру, является популярность многочисленных кулинарных ток-шоу о соревновании шеф-поваров; развивается культ тела, которое перестает восприниматься как судьба, напротив - тело становится первичным сырьем, нуждающимся в постоянной обработке.

В такой ситуации собственное «Я» становится объектом инвестиций и интенсивной работы, функционируя в режиме некоего «предприятия». Приложение модели «человека-предприятия», управляющего собственной жизнью, к сфере человеческой субъективности представляется нам весьма удачной метафорой, находящей, тем не менее, реальные подтверждения. Так, например, от современного индивида требуется быть компетентным менеджером своих переживаний, уметь «производить впечатление», сознательно обращаться с собственными чувствами. Отсюда - поток литературы по согласованию чувств и профессионального успеха. Формула успеха оказывается такова - чтобы

быть успешным, нужно владеть эмоциональными техниками, которым научат «инженеры чувств» - консультанты, психологи, тренеры. В любом случае чувства важны не сами по себе, а ради эффективности поведения. Речь идет о том, чтобы приумножить надежность, благополучие и действенность собственного «Я» благодаря использованию эмоций как инструмента для достижения целей. Произошло то, что Л. Болтански назвал «экономизацией аутентичности», подразумевая желательные для общества эмоции, которые включаются в число ментальных ресурсов, значимых для достижения личных целей [4].

Таким образом, современный индивид все больше захвачен эстетикой самоконструирования как «технологиями Я», в терминологии М. Фуко. Одно из проявлений таких технологий - виртуальное общение, которое дает возможность создать иллюзорную идентичность, с помощью постов, фотографий (при этом тщательно отобранных и отредактированных), которые мы выкладываем на своих страницах «В контакте», «Одноклассниках», «Instagram», «Facebook» и т.д. с целью эффектно самопрезентовать себя, привлечь внимание к себе. При этом социальное одобрение выражается в комментариях к фотографиям, в количестве людей, нажавших кнопку «Мне нравится», в количестве «друзей», да и просто в числе лиц, посетивших твою страницу. У кого этих «знаков внимания» много, тот успешен и социально адекватен, у кого мало - тот аутсайдер. Нельзя не согласиться с А. Генисом, утверждающим, что «эти кибернетические фантомы позволяют нам дурачить не только других, но и себя, прилепляя к себе разные личности, как платья» [6, с. 270]. Однако в любом случае, такое «искусство себя» есть не что иное, как реальная технология эстетического самоконструирования. В данном случае, экспонируя себя во вне, желая быть на виду (например, в блогговых платформах вроде Livejournal, Twitter или на собственных страницах упомянутых выше «В контакте», «Одноклассниках», «Facebook») индивид демонстрирует возможности субъективации, формирования собственного «Я» через воспроизводство наиболее интимных проявлений частной сферы (которые, при этом, теряют свой персональный характер части внутреннего мира человека). Многое из того, что раньше носило сугубо приватный характер, начинает существовать вне физического тела. Как пишет Ж. Бодрийяр, приватное сознание не может обойтись без публичного шоу. В контексте логики эстетической самопрезентации, требующей проживания красивой жизни, вполне объясним бум популярности различных талант-шоу на украинском ТВ, идеальными персонажами которых становятся одаренные и не очень украинцы, спешащие попасть в телевизор. Однако в этом

случае сознательного self-fashioning мы имеем дело именно с нехваткой субъективности, маскируемой демонстрацией ее избыточности. Это и есть обратная сторона нового индивидуализма (который уже не столько идеология концентрации на своих собственных, личных интересах, сколько комплекс идей, обосновывающих существование и развитие человека вне социальных/коллективных связей). В контексте описанных выше тенденций, З. Бауман, определяя общее направление, в котором движется современное общество (и украинский социум здесь не исключение) отмечал, что политическое, этическое, социальное оказалось сегодня приватизированным. Схожую мысль мы находим и у К. Лаваля: «Кажется, что ничто уже не в силах остановить этот частный захват сферы общественных услуг, природных ресурсов, знаний, пространства» [10, с. 359].

На самом деле такой автономный индивид, спасающийся «бегством» от «большого мира» труда, общественной жизни, политики, то есть той самой публичности, в узком приватизированном мире интимных эмоциональных переживаний - своеобразной «асоциальной социальности» - испытывает острый дефицит традиционных социальных связей. Не случайно век XX в социальном теоретизировании критически осмыслен в метафорах бездомности, «одиночества в толпе» покинутости, одиночества/отчуждения, постоянного поиска «Другого». Возможно, что публикация приватности в самых разных ее проявлениях, происходящая на фоне катастрофически уменьшающегося объема реальных, а не виртуальных социальных связей, как раз и пытается боязливо остаться незамеченным. П. Брюкнер комментирует: «Это спонтанное стремление не требует никакой активности, никакой работы над собой. Только взгляд другого говорит мне, кто я есть, что со мной не так» [5, с. 149].

Вместе с тем такая усиленная индивидуализация, помимо прочих факторов, связана с повышением уровня «экзистенциальной тревоги», характерной для большинства ныне живущих. Если следовать логике Э. Гидденса, предполагающей, что повседневная жизнь человека невозможна без веры в ее стабильность, называемую им «психологическая безопасность», то современный индивид как раз это чувство утрачивает. Повышенное чувство тревожности опосредованно эксплицирует современная медийная культура. Благодаря меди, «зло, насилие, становятся банальной повседневностью в современном обществе» [3, с. 16]. При этом СМИ превращают насилие в шоу, рассчитанное на глобальную аудиторию. «Банализация зла» является в этом плане своеобразным эффектом такого явления, как «перепроизводство зла»: в современном телевидении каждую минуту кого-нибудь убивают (в кино, в сериалах), и все с

интересом смотрят. Особенностью современного насилия является его наглядность и публичность. Как замечает С. Жижек, «существует (метафорически и буквально) экран, через который мы ощущаем большие проявления страданий, ежедневно засыпаемые телерепортажами об этнических чистках, изнасилованиях, пытках, природных катастрофах, которым мы глубоко сочувствуем ... на расстоянии» [9, с. 83]. На самом деле такое «квазиперсонифицированное» соучастие не что иное как стремление удерживать страдания других на соответствующей дистанции, не ставя при этом под угрозу зону личного комфорта. Вместе с тем, обилие насилия заставляет индивидов «приватизировать» социальные риски, то есть оценивать социальные риски в масштабах всего общества в категориях индивидуальной опасности. В такой ситуации «банализация зла» становится индивидуальной стратегией оправдания, своеобразной попыткой объяснить/оправдать/извинить свои действия или бездействие. Природу «банализации зла» определил Кр. Дежур понимающий под этим явлением «не только снижение в обществе чувства возмущения, как реакции на несправедливость и зло, но, кроме того, процесс, в результате которого происходит потеря злом своей драматической сущности, а также постепенное приобщение все большего числа людей к делу совершения зла и превращение их в «коллаборационистов» [8, с. 80].

Очевидно, что «банализация зла» это симптом общей нравственно-культурной атмосферы, отличающей современное общество (и Украина в этом случае не исключение). Украинский социум в настоящем своем качестве атомизирован, криминально насыщен, политически и экономически нестабилен, «культурно травмирован» вследствие радикальной ценностной реконфигурации, что, в свою очередь, требует от индивида новых компетенций, образцов поведения, навыков, установок (к примеру, на циничный прагматизм, утилитаризм), необходимых для пользования вновь созданными институтами. В такой ситуации в сфере социальных ориентаций и настроений достаточно распространены симптомами выступают: пассивность, апатия, чувство бессилия, ориентация на сегодняшний день и сокращение видимой перспективы в отношении будущего, синдром отсутствия доверия как к общественным учреждениям, так и к другим гражданам. У нас на глазах вызревает новая культура – «культура недоверия», когда доверчивость становится проявлением наивности, общественное признание ассоциируется в сознании большинства граждан с материальной обеспеченностью (и не важно, насколько честным путем она достигается), свобода не связывается с ответственностью, дружба и любовь рассматриваются как помехи самореализации, а честность – как помеха успеху в делах.

Индивидуальной стратегией адаптации в атмосфере «культуры недоверия» может быть возрастание автономии в режиме «ухода в приватность», критического дистанцирования от общества как зоны рискогенности. Соответственно «банализацию зла» можно рассматривать как своеобразную форму индивидуального эмоционального и деятельностного (со) существования с «большим миром», уменьшающую степень личной ответственности ссылкой на «невладение ситуацией» (действительно, зачем переживать о том, что не имеет ко мне непосредственного отношения); это попытка трансформировать причину негативных социальных явлений таким образом, чтобы чувству личностного «Я» был нанесен наименьший урон.

Выводы. Таким образом, можно заключить, что в пространстве современного общества, опосредованного медийной культурой, с одной стороны, действительно востребованным оказалось приватное знание, удовлетворяющее потребность индивида в специфической субъектности. Не случайно и современный культурный герой – это герой приватной, а не публичной сферы. Фокус повествования большинства сериалов (по крайней мере, отечественных) разворачивается вокруг пространства «дом/работа»; само изображение работы выступает как своеобразное продолжение приватной жизни, а иногда и как необходимое ее условие. При этом отношения с близкими (женой/мужем, родителями, детьми) часто гораздо больше заботят героя, чем профессиональная деятельность. Мы становимся все более чувствительными к приватным сторонам жизни, в том числе и публичных людей. Эту «чувствительность», в свою очередь, усиленно поддерживают «глянцевые» журналы – «Story: У каждой звезды своя история!», «Viva: Лучший журнал о звездах!» и т. д. Возможно чередование приватного и публичного общения, их взаимодополнение позволяет снимать напряжение, возникающее вследствие участия индивида в «больших социальностях». Но в то же время такая проницаемость границ между этими двумя сферами потенциально небезопасна, прежде всего, для приватной, поскольку система все также продолжает «колониализировать жизненный мир» средствами теперь уже медийного давления. В такой ситуации сложно не согласиться с М. Хайдеггером, отмечавшим, что «приватное существование», со своей стороны, еще необязательно есть подлинное, то есть, свободное человеческое бытие. Оно коснеет, замыкаясь в бесплодном отрицании публичности. Оно остается зависимым от нее фидиалом и питается пустым уклонением от всего публичного. Так оно свидетельствует против собственной воли, о своем рабстве у публичности» [11, с. 194]. В таком контексте современная приватность – феномен в большой степени иллюзорный и зависимый.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ:

1. Соболева Н. Чого боятся українці? [Текст] / Н. Соболева // Країна: Тижневий журнал по-українськи. - № 11.- 21 березня, 2013. - С. 7.
2. Украина плетется в хвосте по уровню доверия к органам власти // Украинская правда [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2013/02/11/6983262/>. - Название с экрана.
3. Балибар Э. наброски к топографии жестокости: гражданство и цивилизованность в эру глобального насилия [Текст] / Э. Балибар // Соц. и гуманит. науки. Отеч. и зарубеж. лит., Сер. 11: Социология: РЖ.. - М., 2002. - № 2. - С. 16-20.
4. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма [Текст] / Л. Болтански, Э. Кьяпелло; пер. с фр. - М.: Новое литературное обозрение, 2011. - 976 с.
5. Брюкнер П. Вечная эйфория: Эссе о принудительном счастье [Текст] / П. Брюкнер; пер. с фр. - СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. - 240 с.
6. Генис А. Раз: Культурология [Текст] / А. Генис. - М.: ЭКСМО, 2002. - 504 с.
7. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь [Текст] / Э. Гидденс; пер. с англ. - М.: Издательство «Весь мир», 2004. - 120 с.
8. Дежур Кр. Утрата чувства сострадания во Франции: банализация социальной несправедливости [Текст] / Кр. Дежур // Соц. и гуманит. науки. Отеч. и зарубеж. лит., Сер. 11: Социология: РЖ.-М., 2000. - № 2. - С. 80-86.
9. Жижек С. Любил ли Ленин своих близких? [Текст] / С. Жижек // 13 опытов о Ленине. - М.: Ad Marginem, 2001. - С. 77-102.
10. Лаваль К. Человек экономический: Эссе о происхождении неолиберализма [Текст] / К. Лаваль; пер. с фр. С. Рындына. - М.: Новое литературное обозрение, 2010. - 432 с.
11. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления [Текст] / М. Хайдеггер. - М., 1993. - 486 с.
12. Элиас, Н. Общество индивидов [Текст] / Н. Элиас; пер. с нем. - М.: Практика, 2001. - 322 с.

REFERENCES:

1. Soboleva, N. Choho boiatsia ukrainsi? (What are afraid of Ukrainians?). Krayina, 2013, no. 11, pp. 7.
2. Ukraina pletetsia v hvoste po urovnyu doveriia k organam vlasti (Ukraine is located in the tail of the level of trust in government). *Ukrainskaia Pravda*. Access mode: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2013/02/11/6983262/>.
3. Balibar, E. Nabroski k topografii zhestokosti: grazhdanstvo i tsivilizovannost v eru globalnogo nasiliia (Outlines of a topography of cruelty: citizenship and civility in the era of global violence). *Soz. i humanit. nauki. Otech. i zarubezh. lit., Ser. 11*, Moscow, 2002, №2, pp. 16-20.
4. Boltanski, L., Kiapello, E. Novyy duh kapitalizma. (The New Spirit of Capitalism). Moscow, 2011, 976 p.
5. Briukner, P. Vechnaia eyforiia: Esse o prinuditel'nom schaste. (Perpetual Euphoria: Essays on the duty of happiness). Saint Petersburg, 2007, 240 p.
6. Genis, A. Raz: Kulturologiia. (Cultural Studies) Moscow, 2002, 504 p.
7. Giddens, E. Uskolzayushchii mir: kak globalizatsiia meniaet nashu zhizn. (Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives). Moscow, 2004, 120 p.
8. Dezhur, Kr. Utrata chuvstva sostradaniia vo Franzii: banalizatsiia sozialnoy nespravedlivosti. (Suffering in France: banality the social injustice). *Soz. i humanit. nauki. Otech. i zarubezh. lit., Ser. 11*, Moscow, 2000, № 2, pp. 80-86.
9. Zhizhek, S. 13 opytov j Lenine. (13 experiments on Lenin). Moscow, 2001. - 243 p.
10. Laval, K. Chelovek ekonomicheskii: Esse o proishozhdenii ntoliberalizma. (Homo ekonomikus: Essays on the origin of neo-liberalism). Moscow, 2011, 432 p.
11. Khaydegger, M. Vremia i bytie: Stati i vystuplensia. (Being and Time). Moscow, 1993, 486 p.
12. Elias, N. Obshchestvo individov. (The Society of Individuals). Moscow, 2001, 322 p.

Ходус Елена Владимировна – кандидат социологических наук, доцент
Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара
Адрес: 49010, г. Днепропетровск, просп. Гагарина, д. 72, 1-й корпус, ауд. 701
Телефон: +38 (056) 374-98-65, E-mail: hodus2@ukr.net

Khodus Yelena Vladimirovna – PhD in sociology, associate professor
The Oles Honchar Dnepropetrovsk national university
Address: 72, Gagarin Avenue, 1st building, room 701, Dnipropetrovsk, 49010
Phone: +38 (056) 374-98-65, E-mail: hodus2@ukr.net